

UDC 81'1

DOI: 10.34671/SCH.SVB.2020.0404.0007

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУРЫ И ЯЗЫКА В ПРОЦЕССЕ ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

© 2020

ORCID: 0000-0001-8923-8901

Исрафилова Гюльмар Фахрадиновна, преподаватель английского языка,
доцент кафедры иностранных языков
Azerbaijan University of Languages

(1014, Azerbaijan, Baku, ul. R. Behbudova 134, e-mail: gulmar.aliyeva@gmail.com)

Аннотация. Идеи когнитивной лингвокультурологии имеют определенную историческую базу, лингвострановедение, которая сформировалась во второй половине XX века в рамках преподавания русского языка, как иностранного. Лингвострановедение к тому времени выработало достаточно устойчивую научно-теоретическую базу благодаря ключевым разработкам Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, Ю.Е. Прохорова, Г.Д. Томакина и др. Лингвокультурологическая теория получила признание лингвистической общественности потому, что в рамках этого научно-методического направления наблюдается относительно стабильная система терминологических обозначений и исходных принципов анализа конкретного языкового материала. Говорить об абсолютной самостоятельности лингвокультурологии, как научной доктрины, конечно, не приходится. Она представляет собой отдельную область общей лингво-когнитивной теории, занимая смежные позиции с другими областями когнитивной науки в целом. Это видно даже из словарного определения лингвокультурологии как «научной дисциплины, исследующей взаимосвязи и взаимодействия культуры и языка в процессе их функционирования. Лингвокультурологические исследования проводятся на стыке социолингвистики, психолингвистики, этнолингвистики, лингвострановедения, культурологии и других смежных наук. Сформировавшаяся научная картина, исторически обусловившая становление различных направлений когнитивной теории языка и когнитивной лингвистики, должны быть дополнена последними сведениями из истории лингвистических учений, которые могут быть полезными с точки зрения ответа на попытки некоторых исследователей связывать возникновение когнитивных парадигм в основном с разработками западных (американских и немецких) ученых-когнитологов. Вместе с тем следует отметить, что в когнитивной лингвистике существует общая концептуальная база специфической соотнесенности языка и мышления, представляющего собой способ работы с внутренними когнитивными репрезентациями.

Ключевые слова: лингвокультурология, семантико-когнитивный подход, антропоцентризм, концептосфера, язык и мышление.

INTERACTION OF CULTURE AND LANGUAGE IN THE PROCESS OF THEIR FUNCTIONING

© 2020

Israfilova Gulmar Faxraddin, teacher of the English language, Ph.D., Associate professor
at the Chair of Foreign languages
Azerbaijan University of Languages

(1014, Azerbaijan, Baku, street R. Behbudov 134, e-mail: gulmar.aliyeva@gmail.com)

Abstract. The ideas of cognitive cultural linguistics have a certain historical base, linguistic and cultural studies, which was formed in the second half of the twentieth century in the framework of teaching Russian as a foreign language. By that time, Linguistic and Regional Studies had developed a fairly stable scientific and theoretical base thanks to the key developments of E.M. Vereshchagin, V.G. Kostomarova, Yu.E. Prokhorova, G. D. Tomakhina and others. The linguistic and cultural theory has received recognition of the linguistic community because within the framework of this scientific and methodological direction, there is a relatively stable system of terminological designations and initial principles for the analysis of specific linguistic material. Of course, there is no need to talk about the absolute independence of cultural linguistics as a scientific doctrine. It represents a separate area of general linguistic-cognitive theory, occupying related positions with other areas of cognitive science in general. This can be seen even from the dictionary definition of cultural linguistics as “a scientific discipline that investigates the relationship and interaction of culture and language in the process of their functioning. Linguistic and cultural studies are carried out at the intersection of sociolinguistics, psycholinguistics, ethnolinguistics, cultural linguistics, cultural studies and other related sciences. The formed scientific picture, which historically determined the formation of various directions of the cognitive theory of language and cognitive linguistics, should be supplemented with the latest information from the history of linguistic teachings, which can be useful in terms of answering the attempts of some researchers to link the emergence of cognitive paradigms mainly with the developments of Western (American and German) cognitive scientists. At the same time, it should be noted that in cognitive linguistics there is a general conceptual basis for the specific correlation of language and thinking, which is a way of working with internal cognitive representations.

Keywords: cultural linguistics, semantic-cognitive approach, anthropocentrism, conceptual sphere, language and thinking.

ВВЕДЕНИЕ.

В области лингвокультурологии специализируются такие исследователи, как В.И. Карасик, С.Г. Воркачев, Г.В. Токарев, В.Н. Телия и многие др. Лингвокультурологический аспект изучения положен в основу серьезных монографических исследований В.Н. Телия «Русская фразеология: семантический и культурологический аспекты» [3], Л.Б. Савенковой «Русская паремиология» [4], что свидетельствует об актуализации сугубо лингвокогнитивных исследований материала отдельных гомогенных пластов языка. Хорошей иллюстрацией активизации лингвокультурологических разработок может стать публикация такого большеобъемного словаря, как «Большой фразеологический словарь русского языка» под руководством В.Н. Телия [5],

лингвокультурологического словаря «Русское культурное пространство».

В.В. Петров, поясняя когнитивную теорию Дж. Фодора, особо подчеркивает результат его изысканий – трактовку репрезентации ментального состояния субъекта как специфического языка мышления, а ментальные состояния в классификации Дж. Фодора сводятся к внутренним состояниям, каковыми являются верования, мнения, восприятия, личностные оценки и т.п. [2, с.228]. А в принципе Дж.Фодор все происходящее на плоскости «Языка мышления» объясняет с опорой на когнитивную психологию, утверждая при этом, что язык мышления есть особое функционально свойство мышления, и «язык мышления не усваивается, а является врожденной способностью» [2, 230].

Сказанное означает одно: различные теоретические направления когнитивной лингвистики имеют амплитуду схождения / расхождения от психологии мышления до ментальной структуры отдельного слова. А это означает, что пути размежевания наук (или научных областей) даже в пределах одной когнитивной лингвистики открыты: образцы монографических исследований по отдельным уровням языковой системы уже выходят в свет – «Когнитивная семантика (лексика)» Н.Н. Болдырева, «Лингвокультурные концепты и метаконцепты» Г.Г. Слышкина, «Когнитивный синтаксис русского языка» Б.Ю. Нормана, «Части речи с когнитивной точки зрения» Е.С. Кубряковой, «Когнитивная лингвистика» З.Д. Поповой, И.А. Стернина. Появляются образцы масштабных исследований когнитивных аспектов текста [6].

Чересчур широкое понимание когнитивной лингвистики ведет в утрате предмета исследования, то есть не совсем корректно, и наша аргументация негативного отношения к основополагающей роли западных ученых основана на следующих соображениях.

Прежде всего, следует иметь в виду капитальные труды В.Гумбольдта, в которых четко обозначены контуры антропоцентрической теории (как сегодня говорят – парадигмы) языка еще в первой половине XIX века. Правда, по объективным причинам (неразвитость системы метаязыковых категорий теоретической лингвистики, использование в языкознании элементов терминологической системы психологии и т.п.) В. Гумбольдт не применял терминологию современной когнитологии; он вполне удовлетворялся категориями «внутренняя форма языка», «ассоциации», «понятие», «народный дух», «исконная / неисконная цивилизация», «духовное развитие нации», «язык, как работа духа, направленная на определенную цель», «языкотворческая сила» и мн. др., замененными сегодняшней наукой более «респектабельными» обозначениями типа *концепт*, *фрейм*, *сценарий*, *языковая картина мира* и т.п.

Нам представляется, что современные когнитивные парадигмы (теории) в тех или иных областях гуманитарных знаний своими корнями восходят к лингвофилософским идеям, которые безусловно были характерны для XIX столетия, для исследований ведущих философов и языковедов того времени. Идеи этих мыслителей достаточно явно вписываются в рамки антропоцентрической теории В.Гумбольдта и А.Потебни.

Так, еще в 30-е годы XIX столетия лингво-функциональную суть русских пословиц, поговорок и «идиом» (идиоматизмов) И.М.Снегирев характеризовал так: «... Нигде столь резко и ярко не высказывается внешняя и внутренняя жизнь народа всеми его проявлениями, как в пословицах, в кои облачаются его дух, ум и характер» [7, с.13]; пословица соединяет конкретный практический ум с высшею силою человека – разумом [7, с.18], «в этой животрепещущей речи таится первобытная поэзия народа» [7, с.23], в них сочетаются различные формы афористического мышления [7, с.28]. В этот ряд вполне логично вписывается афоризм английского философа XVI века Френсиса Бэкона: «Гений, ум и дух нации обнаруживаются в его пословицах» [8, с.215].

О возможностях и способностях языка аккумулировать в себе массу знаний о действительности, об окружающем мире, о его возможностях, концентрировать понятийный потенциал писал еще в первой половине XIX века К.С. Аксаков: «... слово проникнуто сознанием и возникло с ним. Слово есть сознание, слово есть человек!» [9, с.2-3], «Язык – это существо человека, это человек самый» (там же); «... слово – это голос сознающего разума, данного свыше. Слово явилось вместе с человеком. Оно есть живущее, выразившееся сознание и неотделимо от сознания, как сознание неотделимо от человека. Слово и человек – одно» [9, с.1-2].

К.С. Аксаков одним из первых лингвистов-философов призывал выйти от формально-логических схем при описании языка. Он был убежден в когнитивно-пси-

хологической основе языка, в том, что язык и мышление составляют неразрывное единство в определении пространственно-временного бытия человека, в том, что «язык сам мыслит своими формами..., язык есть разумный мир» [10, с.196].

Авторы книги «Русские философы о языке» в очерке, посвященном Н.П. Гилярову-Платонову, высоко оценивают его «Экскурсии в русскую грамматику», написанную в 1883 году, и отмечают лингвокогнитивную дальновидность автора, который «едва ли не первым среди русских исследователей заговорил о понятии, которое современным лингвистам известно под названием «языковая картина мира». Гиляров-Платонов, отмечает автор очерка, проявлял глубокие знания в области квалификации устройства языковой картины мира, уподобив ее сети, сквозь которую народ воспринимает окружающую реальность, но и объяснил способы реализации этого феномена» [11, 167-168]. К.Н. Леонтьев (1831-1891) относительно соотношения внутренней сущности и внешнего проявления языка-речи рассуждал так: «язык, если иначе выразиться, манера рассказывать – есть вещь внешняя, но эта внешняя вещь в литературе то же, что лицо и манеры в человеке: оно – *самое видное, наружное выражение самой внутренней, сокровенной жизни духа* (подчеркнуто автором – Г.И.). Как видно, формулировка «выражение самой внутренней, сокровенной жизни духа» звучит вполне в гумбольдтовском стиле [11, с.313].

Видимо, на почве вышеотмеченных идей сложилось мнение А.Ф. Лосева, который уже столь категоричен в своих когнитивно-философских тезисах: «...Язык система понимания, т.е. миропонимания; язык и есть само миропонимание» [12, 58].

В этом ряду особо следует назвать имя известного русского (видимо, первого) паремиолога И.М.Снегирева, который наглядно представил в своих трудах неразрывную связь народного духа и народного языка. Доводы Снегирева более сильны и выразительны, поскольку он, в отличие от вышеназванных ученых-словесников, исходит из более благодатного в этом смысле материала – русских пословиц и поговорок: «Слово, созвучное со славой у Славяно-Руссов, искони по предпочтению имело столь важное и многообъемлющее значение, что служило у них законом, заветом, клятвою, условием и союзом мысли со словом и действием, как души с телом» [7, с.134].

Словом, идеи антропоцентрического понимания языка-речи в русской филологической науке всегда, до В. Гумбольдта и после него, занимают особое место в истории лингвофилософской мысли. Однако эти идеи под влиянием основополагающих трудов и целостной концепции В.Гумбольдта получили достаточно сильный толчок в своем развитии, особенно после замечательной лингвистической деятельности А.Потебни и его отношения к антропоцентрической теории В.Гумбольдта. Так что русская когнитологическая теория, в том числе и лингвокогнитивное направление формировались на ниве синтеза гумбольдтианско-потебнианского понимания и представления этой научной парадигмы. И, впрочем, при этом мы влияния на развитие общекогнитивных теорий, когнитивной психологии и лингво-когнитологии исследований западноевропейских и американских ученых абсолютно не исключаем. Это объективное состояние развития наук и научных идей особенно чувствуется в эпоху компьютерных технологий.

Вышесказанное, на наш взгляд, дает достаточно твердые основания для того, чтобы определиться, в русле каких научных направлений будет проводиться анализ и теоретическая квалификация корпуса устойчивых словесных комплексов, т.е. конкретного предмета нашего исследования. Для дальнейшей работы считаем оптимальной методику системного синтеза принципов семантико-когнитивного и лингвокультурологических подходов анализа материала, прежде всего, потому, что

устойчивые словесные комплексы с точки зрения их семантической структуры достаточно гомогенны по сравнению со свободными единицами различных языковых уровней. Что касается национально-культурного содержания устойчивых словесных комплексов (далее УСК), то оно является конститутивным признаком УСК, предполагающим обязательную квалификацию этих конструкций в лингво-этнокультурном и лингво-психологическом срезах, которые так или иначе строго обусловлены антропоцентрическими свойствами и данными.

Отмеченные научные подходы (семантико-когнитивный и лингвокультурологический) находятся в отношении обязательного взаимодействия и взаимодополнения на фоне когнитивного осмысления именно УСК, единицы которых «генетически» совмещают семантико-семиотические параметры и показатели национально-духовной специфики.

В данном случае мы опираемся на ведущую функцию языка-речи, то есть на гносеологическую (познавательную, когнитивную) функцию языка, нашедшую свою трактовку еще в трудах В.Гумбольдта, а впоследствии развитой А. Потебней в теории антропоцентризма.

Гносеологическая функция языка имеет две функциональные формы, которые неразрывно связаны между собой – дискурсивную и кумулятивную функции. Дискурсивная функция являет собой процессуальный план познавательной деятельности социума и индивида (имеется в виду реализация связей мышления и языка), а кумулятивная (накопительная) функция является статичным планом познания; «кумулятивная функция – это отражение, фиксация и сохранение в языковых единицах информации о постигнутой человеком информации» [13, с.6-7].

Таким образом, наш выбор, то есть действовать, исходя из синтеза семантико-когнитивного и лингвокультурологического подходов анализа материала, оказывается оптимальным и логически аргументированным и с этой точки зрения.

МЕТОДОЛОГИЯ.

Для большей наглядности того, как анализируются языковые единицы (в первую очередь слова-лексемы) в рамках когнитивно-семасиологического и лингвокультурологического описания, обратимся к материалам, представленным в исследовании когнитивистов-семасиологов и когнитивистов-культурологов.

Так, круг интересов первых – это выявление всего комплекса сем (семем), которые потенциально несет в себе то или иное слово, т.е. семантических признаков (когнитивных классификационных признаков, которые так или иначе могут быть актуализированы в речи (Попова, Стернин) [14, 137-138], релевантных для данного предмета или явления, например, существительное (хлеб, человек).

В комплексе когнитивно-классификационных признаков включается целый ряд аспектов:

1. *Материально-вещный аспект*: общие габариты (крупный, большой, небольшой и т.д.); вес (тяжелый, неподъемный, легкий и т.д.); толщина (тонкий, толстый и т.д.); высота (высокий, невысокий); площадь (большая, небольшая, обширная); внешние параметры, очертания (плавные, угловатые); цвет (синий, желтый); прочность (прочный, непрочный); ровность /неровность поверхности (шершавая, ровная); тактильность (твердый, мягкий) и т.д. (всего 19 признаков).

2. *Биологический аспект*: потребность в пище (большая, невысокая); биологическое состояние (здоровый, хилый), отношение к противоположному полу.

3. *Временной аспект*: характерность /нехарактерность для определенного момента; удаленность (мера удаленности/неудаленности) момента существования объекта от акта речи (давно, недавно); срок существования (возраст) (молодой, старый); длительность существования объекта (долго, недолго).

4. *Пространственный аспект*: место функциони-

рования объекта; место изготовления или получения объекта; место применения объекта; расположение в пределах другого объекта; удаленность от цивилизации (далеко, близко).

5. *Конструктивный аспект*: совершенство объекта (совершенный, примитивный); вместимость (большая, маленькая); сложность (сложный, простой); конструктивная важность (ведущий элемент, важный, второстепенный); качество изготовления (высокое, низкое); степень упорядоченности (неупорядоченности элементов); замкнутость объема (замкнут, незамкнут); степень тщательности обработки и т.д. (всего 12 признаков).

6. *Социально-психологический аспект*: интеллектуальный уровень (высокий, низкий); профессиональный уровень (высокий, низкий); уровень образования (высокий, низкий); наличие/отсутствие специальных знаний, навыков; уровень культуры; уровень информированности (высокий, низкий); характер; степень самостоятельности в деятельности (самостоятельный, несамостоятельный); круг возможностей (широкий, незначительный); уровень сознательности (высокий, низкий) ит.п. (всего 16 признаков);

7. *Функционально-деятельностный аспект*: скорость (высокая, низкая); сила, мощность (большая, небольшая); способность преодолевать препятствия (легко, с трудом); активность, интенсивность функционирования (высокая, низкая); ловкость, маневренность (высокая, низкая) и т.п. (всего 9 признаков);

8. *Утилитарный аспект*: степень повседневной необходимости; полезность для общества; требуемое объектом отношение; степень комфортабельности; основное назначение объекта; побочное применение объекта; требуемые усилия для обращения с объектом; условия жизнедеятельности; влияние на деятельность человека и т.п.

9. *Общественно-значимостный аспект*: дороговизна, престижность, модность, общественная значимость, дефицитность, экзотичность, уникальность, перспективы роста, привилегированность, популярность, авторитетность, степень общественного уважения, материальная обеспеченность.

10. *социально-культурный аспект*: категория лиц, пользующихся объектом; отражаемый объектом материальный уровень развития общества; отражаемый объектом уровень научно-технического развития общества; отражаемый объектом социально-политический уровень развития общества; отражаемый объектом морально-нравственный уровень общества.

РЕЗУЛЬТАТЫ.

Представленный список возможного перечня когнитивных типологических/классификационных признаков составлен И.А. Стерниным. Признаки, представленные в этом перечне, автор квалифицирует как «классификационные признаки сем» и отмечает, что в перечень вошли лишь «коммуникативно релевантные признаки»: релевантность этих признаков определяется частотой их актуализации в речевых условиях употребления существительных [14, с.137-141].

Наше обращение к этому широкому перечню «классификаторов» вызвано двумя условиями: во-первых, данный перечень составляет базу для когнитивного анализа слова-лексемы и он может быть отправной точкой для применения в рамках примитивного усвоения материала; во-вторых, этот перечень никак не может служить единственно адекватной моделью когнитивного описания и непротиворечивого представления корпуса единиц УСК. Иначе говоря, данная модель описания и интерпретации не имеет силы широкоохватности, и не может быть применена в процессе трактовки когнитивной картины, свойственной УСК; семантическая структура, внутренняя форма, концептуальная база, да и вообще признаки антропоцентричности УСК сложнее, глубиннее, чем в свободных языковых единицах.

Естественно, если включать в этот перечень потен-

циально периферийные семы существительных при их использовании в речи, то перечень стал бы гораздо объемнее. Еще более объемным он бы стал, если включить в него все возможные алгоритмические позиции: например, признак «вкусовые качества» представлен в перечне двумя формами выражения «вкусный-невкусный», хотя каждому носителю русского языка известны квалификаторы типа «отвратительный», «горчит во рту», «приятный на вкус» и т.п., которые могут продолжить этот ряд алгоритмического представления. Вместе с тем предлагаемая типология аспектов когнитивной семантики вполне заслуживает внимания с точки зрения семасиологического (семного) основания, в пределах которого могут быть когнитивно охарактеризованы все существительные.

Представители других теоретических направлений когнитивной лингвистики такую типологию аспектов и семных признаков ни существительных, ни глаголов, ни других частей речи еще не разработали.

Что касается стратегических результатов другого – лингвокультурологического направления в когнитивной лингвистике, то и здесь сделано немало в смысле определения контуров так называемого лексического фона («малоизученного компонента семантики слова»), а также национально-специфического компонента языковых единиц – эквивалентных (адекватно переводимых на другие языки) и безэквивалентных (практически непередаваемых). Более того, лингво-когнитивно-культурологическое описание вообще и частные исследования языкового материала уделяет достаточно внимания вопросам национально-культурной семантике различных форм устойчиво воспроизводящихся конструкций вообще и УСК в частности: устойчиво-воспроизводящиеся единицы языка, особенно идиоматика, по словам известного русского фразеолога А.М. Бабкина, – это «священная святых национального языка», поскольку в них «неповторимым образом манифестируется дух и своеобразие нации» [15, с.7].

Национально-культурную семантику корпуса фразеологических единиц В.Н. Телия (она терминологию когнитивной лингвистики не употребляет) в монографии «Русская фразеология» исследует не только в семантическом, прагматическом, но и в лингвокультурологическом аспектах. В разделе, посвященном последнему аспекту, автор определяет свою теоретическую стратегию в связи с национально-культурным компонентом семантики паремифразеологических единиц с позиций антропоцентрического понимания вопроса: «...Субъект номинации и речевой деятельности – это всегда субъект национальной культуры. В этой связи уместно привести мнение Н. Бердяева о том, что каждый отдельный человек входит в человечество как национальный человек» [3, с.214].

Характерными для современной, лингвокогнитологии равно и для лингвокультурологии являются следующие свойства:

1. Достаточно широкий интерес к когнитивно-лингвистическому анализу отдельно взятых концептов. Для иллюстрации большого наплыва исследований, весьма интересных, конечно, с различных точек зрения, нет необходимости обозреть всю мировую лингвокогнитивную литературу. Типичное количественное соотношение с определенным процентом погрешности можно установить на материалах той или иной международной конференции, например, такой как симпозиумы МАПРЯЛ, или проблемных традиционных научных конференций «Язык и национальное сознание», проводимых в Воронежском государственном университете. В этом списке концептов особой частотностью выделяются концепты *любовь, желание, хлеб, страх, время, расстояние, разлука, свой/чужой, цвет лица, черное/белое*, и т.п.

2. Концепты изучаются в разных измерениях – это функционально-семантическое поле, и сопоставитель-

но-типологическое (о жизни данного концепта в разных языках) описание, синхронно-диахроническое развитие семантики, толкование их семантической структуры во взаимосвязи с отражаемой «наивной картиной мира», и т.п.

3. Вопросы концептосферы уже изучаются на плоскости функционально-семантических полей, т.е. как элемент функционально-грамматической системы языка

4. Такие же желаемые и нежелательные метаморфозы происходят с другими базовыми категориями и понятиями когнитивной лингвистики (внутренняя форма, картина мира и т.п.) отчасти по причине субъективных оснований их толкования, либо ввиду их некоторой тотальности относительно лингвокогнитологии и лингвокультурологии, либо же по логическим основаниям их трактовки (см. об этом чуть ниже).

5. Основной причиной такого разноликого толкования базовых (ключевых) для когнитивной лингвистики категорий, на наш взгляд, является поверхностное осмысление основополагающих для современной антропоцентрической парадигмы знаний теоретических (гносеологических) принципов, представленных в хрестоматийных сочинениях В.Гумбольдта и А.Потебни, общие места трудов которых, как правило, становятся источником всевозможных изречений и обращений в поддержку тех или иных тезисов современных авторов-специалистов в области как когнитивной психологии, так и когнитивной лингвистики, а также лингвокультурологии. Видимо, это обстоятельство и перспективы его исправления дают основание В.В.Красных выдвигать теорию интегрированного подхода различных областей знаний – лингвистики, психологии и культурологии во «взаимодействии неотъемлемых составляющих неслиянного единства «язык – сознание – культура – лингвокультура – человек – сообщество - коммуникация», т.е. на уровне психолингвокультурологии, центральной фигурой (конституентом) которой признается «человек говорящий» [16, с.304-310].

ВЫВОДЫ.

Для полноценного осмысления общего исторического развития теории антропоцентризма считаем резонным обращение к результатам научной деятельности признанных корифеев языкознания В. Гумбольдта и А.А. Потебни.

В заключение следует отметить еще одно немаловажное обстоятельство. История эволюции когнитивных теорий вообще и лингвокогнитологии, в частности, убеждает в том, что определенное состояние последней и некоторые ее перспективы все же обозначены, хотя все еще продолжается эпоха «брожения умов» в области когнитивной лингвистики. Такую же оценку заслуживает этап развития лингвокультурологии (в нашем понимании – лингво-этнокультурологии).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Стариченко В.Д. Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д.: Феникс, 2008. – 811 с.
2. Петров В.В. Джерри Федор: когнитивное измерение мышления // Концептуализация и смысл. Сб. научных трудов. Сиб. отд. АН СССР. Новосибирск, 1990, с.227-233
3. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
4. Савенкова Л.Б. Русская паремология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов-на-Дону: 2002. – 240 с.
5. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В.Н.Телия, 2-ое изд. М.: АСТ-ПРЕСС Книга, 2006. – 784 с.
6. Милевская В. Связность как категория дискурса и текста (когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспекты). Автореф. дисс... док. филол. наук. М.: 2003. – 47 с.
7. Снегирев И.М. Русские в своих пословицах (Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках). Изд. 2-ое. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2012. – 184 с.
8. Воронцов В.В. Симфония разума. М.: Молодая гвардия, 1976. – 623 с.
9. Аксаков К.С. Опыт русской грамматики. ПСС. 3 т. М.: 1861, с. II-III. 42.
10. Виноградов В.В. Из истории изучения русского синтаксиса. М.: Изд. МГУ, 1958. – 400 с.

11. Русские философы о языке. Хрестоматия. М.-Ярославль, 2010. – 654 с.
12. Лосев А.Ф. Вещь и имя. СПб, 2008. – 180 с.
13. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
14. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ Восток-Запад, 2010. – 314 с.
15. Бабкин А.М. Идиоматика (фразеология) в языке и словаре // Современная русская лексикография. Л.: 1979, с. 5-12
16. Красных В.В. Основные функции языка, культуры и лингвокультуры в свете психолингвокультурологии // Материалы XIII конгресса МАПРЯЛ «Русский язык и литература в пространстве мировой культуры», т.6, напр. 5. Гранада (Испания), 2015, с.304-310.
17. Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь, выпуск I / Под ред. И.В.Захаренко, В.В. Красных, Д.Б.Гудкова. М.: Гнозис, 2004. – 315 с.
18. Алтабаева Е.В. Ментальный концепт «желание» в национальной картине мира // Материалы международной научной конференции «Язык и культура». М.: 2001, с.86-87.

The article was received by the editors 29.08.2020
The article was accepted for publication 27.11.2020